

УДК 1:303.01

СЕТИ, ПЛОСКОСТИ, МАТЕРИЯ: ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПЛОСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ОНТОЛОГИЙ

А.А. Писарев

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

Статья посвящена трем интеллектуальным проектам, претендующим на радикальное переопределение своих дисциплинарных областей: акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии и новому материализму. Путем сопоставления их задач и соответствующих онтологических решений демонстрируется их формальное сходство в качестве «плоских онтологий». Далее показывается, что, несмотря на эту общность, онтологии данных проектов не вполне корректно сопоставлять, поскольку они создавались для совершенно разных задач и онтологиями являются в разном смысле. Это метод для социальных исследований, философская онтология и нормативная политическая философия. Следовательно, «плоские онтологии» не составляют содержательного единства.

Ключевые слова: *плоская онтология, социальная философия, акторно-сетевая теория, объектно-ориентированная онтология, новый материализм.*

В отечественном интеллектуальном пространстве в последние пять-шесть лет большой популярностью пользуется ряд разнородных теорий, объединенных попыткой помыслить мир за пределами человеческих мерок и связи «человек–мир» и на этом основании переосмыслить, что такое социальность и общество. Это *акторно-сетевая теория* (далее – АСТ), располагающаяся на стыке антропологии и социологии, *объектно-ориентированная онтология* (далее – ОО), возникшая в области чистой философии и постепенно проникшая в социальную философию и эстетику, а также *новый материализм*, локализовать который очень условно (о причинах условности речь пойдет далее) можно на стыке философии, критической теории и политической философии.

Все эти течения с разной степенью частоты относятся к так называемому «постгуманизму»¹. Им приписываются онтологические амбиции, т. е. попытки построить теории о том, что и как существует. При этом их зачастую относят к *плоским онтологиям*². Нас будет интересовать правомерность и содержательность такого отнесения.

---

¹ О генетической связи постгуманизма и постмодернизма см. в [15].

² Термин был предложен Мануэлем Деландом, затем расширен и взят на вооружение в ОО как способ самоописания. См., напр.: [3]. Впоследствии плоскими онтологиями стали называть широкий спектр постгуманистических онтологий, снимающих модернистские оппозиции, см., напр.: [24; 16, с. 17–18].

Плоские онтологии – это унивокальные онтологии, в которых существовать можно только в одном смысле, и существование приписывается всему без исключения – от физических сущностей до фикциональных и идеальных объектов. Отсюда, во-первых, ряд понятий, которые благодаря бедности своего содержания способны обозначить максимально широкий круг разнородных вещей. Во-вторых, понятие «плоскость», или «онтологическая демократия», обозначающее некоторое неиерархическое и лишенное заданной границы множество таких вещей, существующих в одном и том же смысле, а потому «на равных». Это две ключевые конструкции. В такого рода онтологиях предположительно исключены в качестве исходных любые инстанции трансцендентного, онтологическая иерархичность и оппозиции, следовательно, нет процедуры тотализации всего существующего и конструкция «мира» (и в догматическом, и в феноменологическом смыслах [19]) отсутствует. Погружение в чистую онтологию позволяет переопределить социальность как продукт взаимодействий разнородных вещей – и социальных, человеческих, и природных. В этой связи нас также будет интересовать вопрос о назначении так конструируемых социальных онтологий: однозначно ли их употребление или есть разные способы такового?

Поскольку объем текста ограничен, его следует воспринимать скорее как набросок дальнейшего изучения феномена плоских онтологий. Кроме того, мы оставим за скобками важный вопрос о преимуществах, недостатках и ограничениях данных теорий³. Сначала мы схематично представим эти проекты, затем покажем формальные сходства, позволяющие отнести их к плоским онтологиям, и выясним, в одном ли смысле их можно назвать плоскими, сравнив цели их создания и применения.

Пропустим этап подробного знакомства с данными проектами, благо переведенных первоисточников и более или менее качественных статей об этих течениях хватает. Укажем только несколько принимаемых нами здесь ограничений. Прежде всего, каждое из течений в той или иной степени представлено семейством самостоятельных авторов, позиции которых не по всем пунктам можно подвергать под общую схему. Поэтому в каждом случае нам придется иметь дело с некоторой выборкой: либо отдельным автором, либо периодом в работе автора, либо некоей усредненной логикой. Этот момент искусственности компенсируется тем, что при сопоставлении нас будут интересовать наиболее общие пункты – наша задача на данном этапе не требует обращения к частностям.

АСТ является семейством подходов с богатой историей⁴ и сложными отношениями между ее ветвями (см., напр.: [1]). Мы будем ориентироваться на базовые решения акторно-сетевого подхода Бруно Ла-

---

³ Критику плоских онтологий см., напр.: [28; 5].

⁴ Краткое введение в базовые идеи и контексты АСТ см. в [16].

тура 1980–1990-х гг. до его эксплицитного обращения к программе исследования модусов существования. Когда-то ООО⁵, сформировавшаяся как течение во второй половине 2000-х гг., состояла из нескольких философских проектов (Грэма Хармана, Леви Брайанта, Тимоти Мортон, Иэна Богоста), но они разошлись достаточно далеко друг от друга, поэтому сейчас ООО – это ее основатель и наиболее известный автор Грэм Харман. Поэтому далее мы будем ориентироваться на его проект.

В отличие от указанных двух течений новый материализм на порядок менее консистентен – это группа самостоятельных авторов с отчетливой ориентацией на философию Жюль Делеза и онтологию, а также близкими задачами и объектами критики⁶. У данного течения нет основателя или основателей, поэтому о генеалогии говорить не приходится. Список ключевых фигур достаточно изменчив⁷, обычно к нему причисляют Розу Брайдотти, Карен Барад, Джейн Беннет, Вики Кирби, Диану Кул, Элизабет Грош и Саманту Грош, реже – Донну Харауэй («интеллектуальную крестную мать» всего течения) и Мануэля Деланда. Мы будем ориентироваться преимущественно на Брайдотти и Барад.

Все три течения склонны к выходу за пределы своих исходных дисциплин или исследовательских полей. Акторно-сетевая теория Латура, изначально возникнув как теория для исследования деятельности ученых в лабораториях, затем после серии трансформаций вышла за рамки исследований науки и начала претендовать на статус социальной теории (в меньшей степени антропологии) [9], чем вызвала шквал критики со стороны сторонников. Она нашла применение во многих дисциплинах: в истории и философии науки, социологии, антропологии, менеджменте, культурной географии, исследованиях образования, окружающей среды и экономике. Харман в последние годы пробует применять свой подход в других регионах философского знания: в теории архитектуры, эстетике [25] и социальной философии [21]. Новый материализм, в свою очередь, даром что прописан сразу во множестве исследовательских областей, тоже склонен к экспансии и, например, в лице Брайдотти претендует на переопределение основ гуманитарных наук и создание «критической постгуманитаристики» [4]. Более того, он

---

⁵ Сам термин был сформулирован Грэмом Харманом в 1997 г., однако как самостоятельное течение в составе спекулятивного реализма ООО сформировалась позднее [22, с. 285–320].

⁶ У самого выражения «новый материализм» в силу его простоты и полемичности разнообразная судьба, в истории он не закреплен за каким-то конкретным материалистическим подходом. Так называли, к примеру, и научный материализм после революции квантовой механики и теории относительности, и переосмысление проблематики Луи Альтюссера Славоем Жижекком и Аленом Бадью. В интересующем нас контексте выражение употребили Деланда и Брайдотти на рубеже 1990–2000 гг.

⁷ Вот некоторые важные обзорные книги: [26; 27].

выходит за пределы академии, поскольку притязает на построение пост-гуманистической этики и политики.

У этих проектов достаточно разные теоретические корни. Если Латур находился под влиянием этнометодологии, семиотики Альгирдаса Греймаса, в меньшей степени Альфреда Уайтхеда и Делеза, то ключевые авторы для Хармана – прежде всего Эдмунд Гуссерль и Мартин Хайдеггер, а также Хавьер Сублири, Уайтхед и сам Латур. Общим «интеллектуальным отцом» новых материалистов является, как уже упоминалось, Делез.

У всех трех проектов сильна негативная, полемическая часть: каждый из них выступает против некоторого положения дел в своей области, сохраняющегося на протяжении долгого времени, и предлагает альтернативное решение. Мишень их критических усилий позволяет понять цель онтологических построений, в разной степени порывающих с принятыми в соответствующих дисциплинах способами работы.

Что преодолевается?

АСТ отталкивается от противостояния теориям, редуцирующим объект исследования к какому-то одному уровню – социальному, политическому, культурному, дискурсивному, биологическому и т. д. Б. Латур пишет: «Никакая вещь сама по себе не может быть сводима или несводима к другой» [10, с. 220]. По сути, речь идет о противостоянии любым научным теориям, поскольку редукция – базовая процедура научного метода. Это противостояние подвешивает всю сетку предметных регионов отдельных наук вплоть до фундаментальных оппозиций культурное/природное, материальное/нематериальное, человеческое/нечеловеческое, а также в большей степени методологических оппозиций действие/структура, микро/макро, внутри/снаружи, близко/далеко. Едва ли можно представить себе более радикальную претензию. Латур, однако, не замыкается внутри науки и связывает господство и самоочевидный характер этих оппозиций со специфически понятым модерном, или Новым временем [7]. Это режим мышления и действия, четко разделяющий мир на природное и культурное и для каждой сущности находящий однозначный исток в той или иной из этих областей. Таким образом, АСТ противостоит как внутринаучным редуцирующим подходам, так и общему историческому режиму, легитимирующему и эти подходы, и в целом модернистское мировоззрение и практики через модернистские оппозиции.

Харман выступает против корреляционизма, или «философий привилегированного доступа». Корреляционизм – это философская «идея, согласно которой мы можем иметь доступ к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [14, с. 11]. Это схема, определяющая господствующий в континентальной философии набор способов философствования (феноменология, герменевтика, струк-

турализм, деконструкция). Она запрещает прямой доступ к реальности «в-себе», взамен направляя философию к исследованию условий ее данности, т. е., инстанций, опосредующих отношение к реальности: трансцендентальных структур, языка, культуры, социального и т. д. Мышление, таким образом, замыкается в «корреляционном круге». В основе корреляционизма лежит идея конечности человеческого познания, введенная Кантом и впоследствии ставшая родовой схемой континентальной философии. Познание конечно в том смысле, что его предметы даны ему, а не сотворены им (как в случае бесконечного познания Бога). При этом наши представления о них – не калька и не слепок с них, а продукт активной деятельности познания: опыт синтезируется специфическими априорными трансцендентальными структурами⁸. Тем самым вводится базовая несоизмеримость и разрыв между вещами в себе и нашими представлениями. Вещи недоступны нам напрямую (поэтому реализм объявляется наивной позицией), только через наши представления, т. е. опыт, поэтому изучать следует структуры и процесс синтеза опыта. Отсюда корреляция: мы оставлены наедине со своим опытом/данностью/представлением реальности, отгороженные от самой реальности собственной конечностью. Преодолеть эту ситуацию, отчасти являющуюся философской подоплекой антропоцентризма, – задача ОО. По сути, ОО также выступает против редукций как атавизма антропоцентризма и коперниканского переворота Канта, хотя и делает это скорее косвенно.

Новый материализм вырастает в условиях кризиса гуманитарных наук и атакует сложившийся в них консенсус – по крайней мере, таким, как он его понимает. Это целый набор разнородных позиций: социальный конструктивизм, философии лингвистического поворота, репрезентативизм, либеральный и секулярный гуманизм, а также старый материализм пассивной материи («картезианско-ньютонианский»). Все они по-разному внесли вклад в формирование привилегированного места человека как рационального, объективирующего и стремящегося к господству над природой существа и материи как инертной субстанции, а также сопряженные с этими представлениями реальные следствия – капитализм, технонаука и, в конечном счете, антропоцен⁹.

---

⁸ Это и есть коперниканский переворот Канта: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. <...> следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием» [6, с. 23].

⁹ Особенностью письма новых материалистов является постоянное указание на условия современного мира, делающие работу этих авторов актуальной и необходимой. К таким условиям относятся проникновение технонауки во все сферы жизни человека и уголки планеты, неспрочитываемая сложность социотехнических инфраструктур и неконтролируемость антропогенных процессов планетарного масштаба, изменение характера существования человека и грядущее пришествие постчеловечества, экологические проблемы, в особенности вымирание видов и истощение планеты.

Например, репрезентативизм и философии лингвистического поворота игнорируют материю, подменяя ее репрезентациями и дискурсом о материальном. Они вводят базовое деление на слова и вещи, репрезентации и репрезентируемое, изымая познающих за пределы репрезентируемого материального мира. Социальный конструктивизм, в свою очередь, игнорирует активность и производительности материи, раскалывая мир на социальные процессы, конституирующие факты, и в целом пассивную природу, область причинно-следственных связей. Новый материализм также выступает против «расколдовывания мира», выхолостившего материю до пассивности и инструментализированности. Все эти течения так или иначе опираются на ряд оппозиций, расчленяющих сложный и переплетенный мир, и навязывают их: природа/культура, материя/значение, репрезентация/репрезентируемое, человеческое/нечеловеческое и т. д. Преодоление этих сложившихся способов мышления не самоценно, а подчинено созданию особой постгуманистической этики и политики. Иными словами, претензии нового материализма не ограничены изменением научных подходов и консенсуса, а имеют политический характер и ориентированы на западное человечество как носителя критикуемых оппозиций.

Все три проекта во многом нацелены на изменение здравого смысла своих дисциплин или даже значительной части населения планеты. АСТ нацелена на изменение распределения агентности между социальным и природным, которое лежит в основании здравого смысла социальных наук [11, с. 143–145]. Харман вместе со спекулятивным реализмом в целом метит против (квази)трансценденталистского консенсуса континентальной философии, сформированного преимущественно философией Канта [17, с. 9–25]. Новые материалисты расширяют масштаб атаки и претендуют не только на реформирование гуманитарных наук, но и на изменение структуры обыденного опыта западного человечества.

Характерно, что в своих противостояниях все три проекта активно выстраивают сети союзников. В числе последних оказываются прямые или косвенные предшественники и близкие по задачам и решениям современники. Например, Латур переинтерпретирует как близких мыслителей Уайтхеда и Тарда, а также активно прибегает к обзору и комментированию кейсов своих коллег по АСТ. Харман переинтерпретирует Аристотеля, Гуссерля, Хайдеггера, Уайтхеда как ООО-онтологов до ООО, а также вербовал в качестве союзников Латура, Деланда, Тристана Гарсиа, не говоря уже о других ООО-проектах. Новые материалисты призывают в союзники феминистские теории и движения, квир-анализ, медиатеорию, энвайронментальные и постколониальные исследования, исследования науки и технологий и даже сами естественные науки (но не все, а только те, которые изучают нелинейные динамические процессы).

Можно предположить, что такая тяга к выстраиванию сетей союзников обусловлена тем, что мишенью и предметом переопределения

для этих проектов выступают не только эксплицитные концептуальные построения, но и лежащие в их основе и укорененные в здравом смысле оппозиции и мыслительные ходы.

Решения

Решая поставленные задачи, каждый из трех проектов отказывается (или по крайней мере пытается отказаться) от критикуемых оппозиций или схем и строит собственную онтологию. Общий ход хорошо выразил Латур: «...в большинстве случаев оппозиции, особенно когда они имеют отношение к модернистским затруднениям, следует не преодолевать, а просто игнорировать или обходить, оставляя в стороне» [12, с. 203].

Перед АСТ стоит задача создать ирредукционистский подход, позволяющий обойтись без редукций. Это означает, что при работе с объектом исследования необходимо использовать онтологию, в которой сущности уже не распределяются по иерархически устроенным регионам, скажем, социальному и природному, материальному и фикциональному. Объекты данной онтологии теряют свою «прописку» в ныне подвешенных предметных (онтологических и логических) регионах и более крупных областях, размеченных оппозициями. В этой бездомности они встречаются, более не разделенные границами областей, и оказываются «на равных»: все, что им может быть приписано, это агентность, т. е. способность действовать и взаимодействовать. Таким «бедным» на содержание понятием, обозначающим любые вещи, является *актор* (или актант). Вместе со всеми преданными характеристиками они лишились и сущностей: то чем они являются, для исследователя определяется в ходе их взаимодействий. Задача вовсе не познать актор в его полноте и специфичности, а в прослеживании взаимодействий акторов. Другими словами, это реляционная онтология: отношения предшествуют своим членам и по меньшей мере отчасти производят их. Базовым становится микроуровень хаоса локальных взаимодействий, из которого путем многоэтапных «испытаний», или «переводов», или «переговоров» возникают и разрушаются контингентные сложные структуры, в том числе макроуровня. Эти возникновения и распады прослеживаются исследователем в неиерархичной и нерегулярной сети взаимодействий акторов.

Харман также отказывается преодолевать корреляционизм в лоб. Вместо этого он попросту устраняет ситуацию конечности как базовое условие начала философствования и строит теорию самого сущего, уже внутри которой распространяет корреляцию на все, что существует: конечностью познания и существования («доступа») обладает не только человек (субъект, *Dasein*, общество...), но и вообще любые вещи – от стаканчиков с кофе и электронов до зубных фей. Поскольку это предельно разнообразные сущности, необходима максимально бедная кон-

струкция, которая позволит схватить их все. В случае ООО это *объект*. Объекты существуют в одном и том же смысле, обладают одной и той же формальной четырехчастной конструкцией (реальный объект – чувственные качества – чувственный объект – реальные качества) [20]. Харман производит умножение разрывов, характерных для ситуации конечности, и то, что предстает вместо мира, оказывается перфорированным хаосом изымающих себя из отношений друг с другом реальных объектов. При этом отношения между ними все же возможны – разного типа между разными комбинациями чувственных и реальных объектов, в том числе производительные [22, с. 345–349]. Впоследствии при попытке перейти на территорию социальной философии Харман переосмыслил множества связанных объектов при помощи понятия «симбиоз», позаимствованного у биолога Линн Маргулис [21].

Новый материализм выстраивает подчеркнуто реляционные и процессуальные онтологии динамических процессов, потоков и открытых сложных комплексов. Одна из ключевых задач – переосмысление упомянутых выше оппозиций. Они не объясняют, а подлежат объяснению как продукты «сборок». Поэтому необходима производящая их третья инстанция. Таковой становится *материя*. Это не субстанция в ремесленном смысле, т. е. не то, из чего все состоит. Материя (*mattering*) в духе хоры из «Тимея» Платона – это контингентный процесс дифференциации, стабилизации и дестабилизации любых различий (природа/культура, вещественное/невещественное, материя/значение и т. д.). Материя, таким образом, перформативна (постгуманистическая перформативность здесь заменяет каузальность) и одновременно дискурсивна: смысл – это ее эффект, а не внешняя добавка.

С другой стороны, материя – это сборка разнородных элементов – от человека и общества до бактерий и геологических процессов. Все они – *агенты*, если использовать термин Барад. В сборке, таким образом, границы между доменами, расчерченными знанием и базовыми оппозициями, стираются. Отсюда максима: рассматривать любую сущность как локальную контингентную сборку, в том числе субъективность: все произведено, а не существует исходно как предданное, и траекторию производства необходимо проследить («денатурализировать» в терминах критической социологии). Этим обусловлено пристальное внимание к отношениям как материально-дискурсивным практикам и реляционизм: во-первых, взаимодействия должны быть производительны, во-вторых, все соединено не со всем, а с чем-то конкретным. Поэтому агенты – это «поля возможностей», которые могут быть реализованы или пропущены в каждом локальном взаимодействии. Практики служат связующим звеном между сущностями, которые при ином, репрезентативистском, рассмотрении были распределены по иерархически организованным доменам и разделены критическими дистанциями.

Например, Барад осмысляет каузальное взаимодействие между агентами как интраакцию, т. е. буквально «внутри-действие»: «...члены отношений не предшествуют отношениям; скорее, члены-отношений-внутри-феноменов возникают через особые интраакции. Самое главное, интраакции приводят в действие агентную разделимость – условие внеположности-внутри-феноменов» [2, с. 51]. Все, что мы привычно понимаем как самостоятельно существующие инстанции (например, субъект и объект в ситуации познания), приобретает определенность и значение внутри процессов перформативных интраакций (читай, изменчивых сборок разнородных агентов) посредством «агентных разрывов», вносящих определенность во внутренне неопределенный процесс материи.

Таким образом, все три проекта предлагают свои версии базовых компонентов плоских онтологий: актер, объект, агент для схватывания как одинаково существующих сколь угодно разнородных сущностей; неиерархическая сеть, плоскость, материю – для тематизации производительных отношений внутри множеств этих сущностей.

У всех трех проектов (в большей степени АСТ и нового материализма) есть общее свойство: в силу ухода от традиционных оппозиций они уже не могут удерживать дистанцию между исследованием и его предметом, как если бы исследователь, не внося никаких изменений в независимо существующий предмет, «просто» изучал его, описывал или объяснял. Само исследование – одно из отношений сети или материи, поэтому оно перформативно и, по крайней мере, отчасти производит и предмет, и исследователя. Следовательно, теория становится практическим знанием-как: она для того, чтобы что-то делать, производить эффект. Если в АСТ этот момент важен, но не играет центральной роли, то в случае нового материализма он выходит на первый план, и вот почему.

Употребление

Хотя все эти онтологии можно назвать с долей условности «плоскими», находятся они вовсе не в одной плоскости. АСТ – это не философская онтология, а метод, «инфраязык» [13, с. 191–192] или «способ путешествовать от одного места к другому, от одного поля к другому» [12, с. 208–209], или «метод организации описания» [23]. Иными словами, это не метафизика как прямое утверждение о составе и устройстве мира, а специфический способ и язык социального исследования. АСТ «не определяет никакой реально наблюдаемый объект, а является необходимым условием возможности наблюдения и регистрации акторов» [13, с. 185]. Латур периодически заявлял политические амбиции в связи с АСТ, однако они не занимали центрального места в проекте в целом (позже в исследованиях модусов существования они приобрели больший вес) и скорее сводились к наброскам политической теории (см., напр.: [8]).

ООО – это философская онтология, плотно встроенная в корпус философского онтологического знания. Харман разыгрывает вполне имманентную этому полю ставку: используя наработки посткантианской философии для теоретизации объектов, он создает онтологию докантианского, или «догматического», типа, не проблематизирующую условия данности вещей. Тем самым ООО занимает позицию альтернативного естественным наукам дискурса о мире и его содержанием.

Новый материализм, в свою очередь, занимает позиции, отличающиеся от в целом академических позиций первых двух течений. Дело в том, что их претензия на переопределение на постгуманистическую этику и политику здравого смысла западного человечества означает обращение не столько к *ratio*, сколько к коллективным дорефлексивным основаниям опыта и представлений о мире. Речь идет об изменении представления о том, как в мире между различными сущностями распределены агентность, аффекты и политические права: вместо оппозиций, организованных иерархически (человеческое выше нечеловеческого, культурное – природного, смысловое – материального и т. д.).

Эта задача хорошо выражается средствами концепции «разделения чувственного» Жака Рансьера (интересно, что его идеи в близком контексте активно обсуждает Беннет). Разделение чувственного – это «система чувственных очевидностей, которая одновременно демонстрирует существование чего-то всем общего и членений, определяющих в нем соответствие места и части <...> Это подразделение мест основывается на разделении пространств, времен и форм деятельности, определяющем сам способ, которым общее предоставляется участию и которым те или иные владеют в этом разделении своей частью <...> Разделение чувственного демонстрирует, кто может участвовать в общем в силу того, что он делает, того времени и пространства, в которых эта деятельность осуществляется» [18, с. 14].

Рансьер вслед за Кантом говорит об априорных формах опыта, но в его случае они коллективны, историчны и задают рамку конституирования в опыте социально-политического пространства и времени, в которых разные акторы (объекты, агенты) получают свою долю.

Например, критикуемые новыми материалистами оппозиции предполагают, что человек или социальная группа – единственный носитель способности действовать, в том числе участвовать в политике, а природные сущности обладают ею разве что по аналогии, а скорее пассивны. На самом деле все три обсуждаемых течения так или иначе претендуют на изменение такой традиционной схемы и включение в «общее» иных, кроме человека и социальных групп, сил. Отсюда, например, «парламент вещей» Латура или «родня» Харауэй. Эта идея, очевидно, напрямую связана с переосмыслением последствий вторжения человека, капитала и технонауки в природные процессы планеты и попыткой переопределить отношение с разнообразными сущностями, составляющими

среду обитания человека, путем их эмансипации от объективирующего практического и мировоззренческого отношения человека.

Но только новые материалисты эксплицитно заявляют о стремлении, не ограничиваясь изменением дисциплинарной чувственности, изменить и чувственность западного мира. Вот как пишет о целях своего проекта Брайдотти: «Критическая постгуманитаристика требует продуктивных и аффирмативных форм остранения или растождествления с *вековыми привычками антропоцентричной мысли* и гуманистического высокомерия – с целью исследовать границы человечности. *Остранение* предполагает отбрасывание заботливо взлелеянных *привычек* мысли и репрезентации, даже если тем самым мы рискуем спровоцировать страх и ностальгию. Это *отрезвляющий* процесс, посредством которого познающие субъекты расстаются с *привычным* представлением о Я и идут дальше» [4, с. 37] (курсив мой. – А.П.).

Брайдотти неоднократно подчеркивает, что мишень ее «перформативной политики» – привычное, а значит, то, что принадлежит области дорефлексивного. Ставка нового материализма – переопределение способов видеть и способов быть, того, кто или что может чувствовать, кто или что видим, кто или что способен действовать и заявлять намерения. Это возможно только на пути конверсии, смены взгляда на мир, а не убеждения аргументами.

Таким образом, если доверять собственным декларациям нового материализма, это преимущественно этико-политическое и даже нормативное течение, для которого онтология носит служебный характер: область его конечных задач лежит в политической плоскости и связана с переопределением конфигурации чувственности и политического общего.

Это нетривиальная задача, ведь в отличие от АСТ и ОО, ограниченных обращением к академической аудитории, новый материализм выходит в пространство, где аргументы не всегда (и даже редко) действительны, поэтому нужно производить эффекты и убеждать. Как упоминалось, императив оказания влияния, даже аффицирования напрямую вытекает из конструкции теорий новых материалистов, отменяющих традиционные оппозиции, в том числе дистанцию между исследованием и исследуемым. Сам новый материализм – наилучший пример материализации, о которой толкует. Дорефлексивные схемы мышления и действия, которые он намерен изменить, невозможно изменить непосредственным воздействием, только косвенным.

Во-первых, они живучи, так как встроены в петлю самоподтверждения. Дело в том, что модернистские оппозиции, якобы лежащие в основе обыденного опыта западного человека, навязываются ему вместе с культурным багажом, в частности, квазинаучной картиной мира и, становясь схемой восприятия, натурализируются. После этого они находят обоснование в произведенном по их лекалам обыденном опыте:

«...вот это природа, а это уже культура, это самоочевидно». То есть представления, структурируя опыт, превращают его в источник бесконечных подтверждений себя.

Во-вторых, онтология нового материализма контринтуитивна и осознанно противоречит и обыденному, и научному здравому смыслу. Отсюда сложность ее трансляции – не напрямую, а косвенно, поэтому приходится изобретать и испытывать множество метафор. Схожую задачу решали ученые при интерпретации и объяснении квантовой механики: устройство микромира противоречит здравому смыслу макромира, поэтому необходимы косвенные способы выражения – метафоры. Неслучайно многие авторы, причисляемые к новому материализму, обращаются к метафорам из этой области физики (в особенности Карен Барад, Брендон Джонс, Эндрю Пикеринг).

Все это в совокупности определяет специфику как письма новых материалистов, так и стратегии выстраивания ими союзов и проектов. Они действуют не только при помощи аргументов, но и посредством нарративов, обращения к анимизму и квазиязычеству, а также образов. Хороший пример такого действия – поздние тексты Донны Харауэй, например книга 2016 г. «Оставаясь с бедой: создание родни в эпоху хтулцуена». Харауэй создает очень вязкое и витеватое письмо, искусно вплетая в него, как нити в кошкину колыбель, хтонических мифологических существ, вымирающие виды, образы из современного искусства и арт-акций, образы тающих ледников и лесных пожаров, стрекающих, пауков, головоногих, медуз, жгутиковых, сплетения мышц, клубки микроорганизмов и грибов и т. д. Она не строит теорию в обычном смысле этого слова, скорее это аффицирующее письмо, задача которого – подтолкнуть к конверсии, обращению в постгуманистическое мировоззрение.

Итак, что в сухом остатке? У АСТ, ООО и нового материализма есть ряд общих черт в формальном построении онтологии. Однако во всех трех случаях онтология функционирует в разном режиме: как оптика для эмпирических социальных исследований, как философская онтология и как схема для политического переопределения чувственности западного человечества. Данный вывод, как представляется, ставит крест на содержательном соединении этих течений под рубрикой «плоских онтологий». Интригующий вопрос о том, почему в течение двух десятков лет появились столь схожие на формальном уровне онтологии, заслуживает отдельного исследования. Здесь же важно подчеркнуть некорректность манипулирования объединяющим термином «плоские онтологии» как содержательным единством.

Список литературы

1. Астахов С. Концептуальный стиль Ланкастерской школы в АСТ // Социология власти. 2019. Т. 31, № 2. С. 18–44.
2. Барад К. Агентный реализм // Опыты нечеловеческого гостеприимства / сост.: Саркисов К., Крамар М. М.: V-A-C press, 2018. С. 42–121.
3. Брайант Л. Демократия объектов / пер. с англ. О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 320 с.
4. Брайдотти Р. Критическая постгуманитаристика // Опыты нечеловеческого гостеприимства / Сост.: Саркисов К., Крамар М. М.: V-A-C press, 2018. С. 24–41.
5. Брассье Р. Понятие и объекты // Логос. 2017. № 2. С. 227–262.
6. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 3. 741 с.
7. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2006. 240 с.
8. Латур Б. Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. 2012. № 6–7. С. 235–254.
9. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 382 с.
10. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2015. 314 с.
11. Латур Б. Дэвиду Блуру... и не только: ответ на «Анти-Латур» Дэвида Блура // Логос. 2017. № 1. С.135–162.
12. Латур Б. АСТ: Вопрос об отзыве // Логос. 2017. № 1. С. 201–216.
13. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
14. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
15. Павлов А. Постгуманизм: преодоление и наследие постмодернизма // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 27–36.
16. Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Логос. 2017. Т. 27, № 1. С. 1–40.
17. Писарев А., Морозов А. Exit Speculative Realism // Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2019. С. 7–52.
18. Рансьер Ж. Разделение чувственного // Разделяя чувственное. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 264 с.
19. Фролов А. О категориальных основаниях мира // Идеи и идеалы. 2015. № 2. С. 32–45.
20. Харман Г. Четвероякий объект. Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. 152 с.
21. Харман Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 152 с.

22. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М.: РИПОЛ классик, 2019. 496 с.
23. Широков А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, № 1. С. 186–217.
24. Epstein B. Social ontology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2018 Edition), Zalta E.N. (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/social-ontology/> (дата обращения: 10.01.2020).
25. Harman G. Arts and objects. Cambridge: Polity press, 2019. 240 p.
26. New Materialism: Interviews & Cartographies / Dolphijn R., van der Tuin I. (eds.). Ann Arbor: Open Humanities Press, 2013. 200 p.
27. New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics / Coole D., Frost S. (eds.). Durham and London: Duke University Press, 2010. 352 p.
28. Wolfendale P. Object-Oriented Philosophy: The Noumenon's New Clothes. Falmouth, UK: Urbanomic Media, 2014. 200 p.

NETWORKS, PLANES, MATTER: ON THE USE OF FLAT SOCIAL ONTOLOGIES

A.A. Pisarev

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia

This article examines three intellectual projects that claim to radically redefine their disciplinary areas: actor-network theory, object-oriented ontology and new materialism. By comparing their problems and corresponding ontological solutions, their formal similarity as «flat ontologies» is demonstrated. Further, it is shown that despite this commonality, the ontologies of these projects are not quite correct to compare, since they were created for completely different tasks and are ontologies in different senses of the word. These are a method for social research, a philosophical ontology, and a normative political philosophy. Therefore, «flat ontologies» do not constitute a meaningful unity.

Keywords: *flat ontology, social philosophy, actor-network theory, object-oriented philosophy, new materialis.*

Об авторе:

ПИСАРЕВ Александр Александрович – младший научный сотрудник, сектор социальной философии, ФГБУН Институт философии РАН. Москва, Россия. E-mail: topisarev@gmail.com.

Author information:

PISAREV Alexander Alexandrovich – Junior Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: topisarev@gmail.com.